

ГРИДИНА Т.А.
КОНОВАЛОВА Н.И.
Екатеринбург, Россия

УДК 81'23
DOI 10.26170/pla20-01-04

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы активации ассоциативно-вербальной сети с применением процедур обратного и цепочечного ассоциативных экспериментов. Выявляются факторы, определяющие динамику обратимости отношения *стимул – реакция* применительно к потенциальным ситуациям текстопорождения. В ходе экспериментального конструирования текста верифицируется гипотеза релевантности набора ассоциатов из зон ядра и периферии для «опознания» породившего их слова-стимула. Не менее значим для исследования работы механизмов ассоциативно-вербальной сети в их проекции на текстовую деятельность цепочечный ассоциативный эксперимент. Процедура составления текста на основе полученных цепочек ассоциатов (с сохранением последовательности их появления) должна способствовать верификации стратегии цепочечной связи как одной из предтекстовых форм развертывания мысли в ассоциативно-вербальной сети. Полученные в ходе проведения цепочечного эксперимента данные интересны и в плане грамматической специфики самого состава последовательно предъявляемых реакций (словоформ разных частей речи, словосочетаний и т.п.), и в плане их системной и/или контекстуальной обусловленности, что может служить неким аналогом развертывания речемыслительного процесса как прообраза будущего высказывания, текста. В когнитивном плане ассоциативные цепочки можно рассматривать как некие репрезентанты фреймов, сценариев, отражающих концептуальное содержание стимульного слова в сознании говорящих.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, языковое сознание, психолингвистический эксперимент.

GRIDINA T. A.
KONOVALOVA N. I.
Ekaterinburg, Russia

ASSOCIATIVE-VERBAL NETWORK AS A DYNAMIC MODEL OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS: EXPERIMENTAL DATA

Abstract. The article discusses the mechanisms of activation of the associative-verbal network using the procedures of reverse and chain associative experiments. Factors determining the dynamics of reversibility of the stimulus-response relationship in relation to potential situations of text generation are identified. In the course of experimental construction of the text, the hypothesis of relevance of a set of associates from the core and periphery zones for "identification" of the stimulus word that generated them is verified. The chain associative experiment is no less significant for the study of the mechanisms of the associative-verbal network in their projection on textual activity. The procedure for composing a text based on the obtained chains of associates (while preserving the sequence of their appearance) should help to verify the strategy of chain communication as one of the pre-text forms of thought deployment in the associative-verbal network. Obtained in the course of the chain of the experiment data are interesting in terms of the grammatical specifics of the composition consistently bringing reactions (word-forms of different parts of speech, phrases, etc.), and in terms of their systemic and/or contextual conditions that might serve as a kind of analogue of the intellect deploy process as a type of the future statements of the text. In cognitive terms, associative chains can be considered as some kind of representatives of frames, scenarios that reflect the conceptual content of the stimulus word in the minds of speakers.

Keywords: associative-web network, language consciousness, psycholinguistic experiment.

Психолингвистический эксперимент, как известно, является средством верификации ассоциативной сферы языкового сознания. Существует, как минимум два направления такой верификации: первое фиксирует своеобразную *ассоциативную статистику* (ядерные и периферийные зоны ассоциативных полей в коллективном и индивидуальном сознании, что находит отражение в словарном представлении стереотипизированных и индивидуальных реакций на соответствующие словесные стимулы

– см., например, РАС); второе направление связано с исследованием самого ассоциативного *процесса* как динамической модели оформления мысли в ее предречевой готовности. В частности, модель ассоциативно-вербальной сети, разработанная Ю.Н. Карауловым, представляет собой диссипативную структуру ментального лексикона и грамматикона [Караулов 1993], в которой каждый компонент актуализируется в потенциальном регистре в зависимости от «ассоциативного вызова», обусловленного речемыслительной интенцией говорящего и сопутствующими ее реализации факторами. Ассоциативный потенциал слова представляет собой всю совокупность формальных и формально-смысловых связей, которые оно может вызывать в сознании говорящих в определенных ситуациях речевой деятельности, являя потенциальные зоны внутрисловной, междусловной (системно заданной) и контекстуальной ассоциативности языковых знаков [Гридина 1996:8-9] в проекции на психологическую реальность их восприятия конкретными носителями языка (собственно социально отфильтрованные компоненты значений, личностный смысл и «чувственную» ткань – перцептивный опыт индивидуума). Это вполне согласуется с перспективой анализа результатов ассоциативных экспериментов в свете их процессуальной природы¹. Ср.: «В основе ассоциативности и ассоциирования лежат различного рода ментальные связи, которые вскрываются человеком и ретранслируются, и в то же время создаются в индивидуальном порядке в ходе деятельности сознания,

¹ См. исследование процессов формирования ассоциаций, связанных с обработкой, хранением и извлечением информации: «Переработка информации зависит, как известно, от целого ряда факторов, среди которых можно выделить, во-первых, факторы ситуативной прагматики, такие как полезность/бесполезность информации для адресата, заинтересованность в получении и хранении новой информации; во-вторых, факторы когнитивной компетенции – сложность/легкость усвоения информации для воспринимающего; в-третьих, психологические особенности восприятия: соотношение канала передачи информации и ведущего канала ее восприятия; объем оперативной памяти и т.п.» [Гридина, Коновалова 2014: 128].

интерпретирующего действительность, постоянно изменяя картину мира индивида. Связи мира (объективные и субъективные), отражающиеся в ассоциативно-вербальной сети индивида, многочисленны и разнообразны, а поэтому в своей практической речевой деятельности человек актуализирует те из них, которые отвечают требованиям определенной ситуации и соответствуют его целям и мотивам. Важную роль в этом процессе играют возрастные, профессиональные, социальные установки, культурные характеристики и условия, влияющие на проявление специфических особенностей мышления личности» [Пищальникова и др. 2019: 51].

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) как наиболее востребованный и популярный в психолингвистике метод, безусловно, главный инструмент создания эмпирической базы для выявления самого тезауруса потенциальных ассоциативных связей в проекции на конкретные тематические сферы, охваченные сознанием языковой личности. Однако представляется, что в аспекте выявления динамики ассоциативных связей как многовекторно заряженных и погруженных в определенный речевой и культурный контекст не менее, и даже более репрезентативны обратный и цепочечный ассоциативные эксперименты. В данной статье мы обратимся описанию результатов пилотных экспериментов данного типа.

Обратный ассоциативный эксперимент предполагает верификацию «дисперсии» и силы (соответствия или несоответствия, обратимости или расхождения прямых и обратных) ассоциативных связей в паре «реакция – стимул». В данном случае применяется процедура предъявления *реакций*, полученных на этапе проведения прямого САЭ, уже в *качестве* стимулов – с тем, чтобы выявить устойчивость языковых коррелятов в обыденном сознании. Так, установлено, что в языковой системе «плотно» связаны (устойчиво воспроизводимы), прежде всего, антонимические пары, что отражает наиболее генетически ранний когнитивный механизм установления различий между предметами и явлениями по принципу противопоставленности. В таком случае на стимул *белый* ожидаема стереотипизированная, частотная реакция *черный*, а на *черный* – соответственно реакция *белый*. Иначе говоря, кажется, что самые частотные ре-

акции на словесный стимул, всплывая в сознании говорящего, должны однозначно отсылать к этому же стимулу. Однако такой прямой зависимости нет (см. об этом [Норман 2011]). Ср., например, тот факт, что на стимул *черный* самой частотной реакцией, по данным РАС, является *белый* (75), в то время как в обратном эксперименте с предъявлением слова *белый* в качестве стимула самой частотной оказывается не реакция *черный*, а ассоциат *снег* (127), а *черный* с большим отрывом (с индексом 49) – только на втором месте. Причина такой «асимметрии» кроется в том, что информация, «схваченная словом», в сознании носителя языка соотносится не с одним денотатом, а с целой системой предметных эталонов, перцептивных образов, представлений о мире. У слов, состоящих в ассоциативной связи, одни эталонные характеристики могут совпадать, другие – различаться, а также по-разному актуализироваться в конкретной речевой ситуации, в том числе проявляя несовпадение личностной ассоциативной сферы – картины мира коммуникантов. Так, для выражения цветового значения *белый* в языке имеется целый ряд средств, способных обозначать этот признак через отсылку к определенному зооморфному, предметному, натуроморфному эталону. См., например, слово *белый*, представленное в обратном ассоциативном словаре (РАС, т.2) как реакция на ряд стимулов (с указанием индекса ее частотности в ассоциативном поле соответствующего стимула): *белый* ← *снег* 158, *лебедь* 45, *мел* 41, *лист* 26, *пароход* 21, *парус* 19, *гриб* 17, *кролик* 15, *мармор*, *парусник* 14, *кафель* 13, *бант*, *пудель*, *творог*, *картофель* 11, *айсберг*, *заяц*, *халат* 10 и т.п. Каждый из представленных в данном ряду стимулов, не будучи специализированным на обозначении цвета, несет в себе потенциальную возможность заменять номинацию *белый* через указание на денотат, для которого данный признак характерен. Соответственно носители языка могут в зависимости от ситуации речи, коммуникативной установки и собственного лингвокогнитивного опыта использовать разные способы вербального выражения одного и того же содержания. Обратный ассоциативный эксперимент, таким образом, является еще одним подтверждением психолингвистического постулата о субъективной активности говорящего в использовании языкового потенциала, включая «...процесс стади-

ального формирования доминанты личностного восприятия свойств обозначаемого» [Гридина, Пятинин 2003: 6].

Обратное соотношение реакция – стимул представлено во втором томе РАС, где заглавное слово словарной статьи представляет собой реакцию, которая была получена в ходе прямого свободного ассоциативного эксперимента на указанные после стрелки стимулы. Цифры обозначают количество испытуемых, выдавших данную реакцию на соответствующий стимул. **Пример статьи в обратном ассоциативном словаре:** *Трамвайный* ← хам 7, билет 3. Значит, реакцию *трамвайный* на слово *хам* дали 7 испытуемых, а на слово *билет* – 3 человека из числа испытуемых.

Такое представление материала в словаре показывает, во-первых, на какие стимулы вообще может возникать данная реакция; во-вторых, какова ее стереотипизированность (с учетом индекса частотности возникновения / предъявления данной реакции на соответствующий стимул); в-третьих, силу (степень «устойчивости») ассоциативных связей, их взаимобратимость или слабую корреляцию и т.п.

Психологическую реальность ассоциативных связей, запускающих обратный процесс перехода от совокупности реакций к исходному стимулу, можно выявить и в ходе экспериментального конструирования текста по разным наборам ассоциатов (только из зоны ядра и ближней периферии, только из зоны крайней периферии или из числа стимулов, на которые была получена определенная реакция)². В ходе такого эксперимента верифицируется гипотеза о релевантности разных наборов ассоциатов для «опознания» породившего их слова-стимула применительно к потенциальным ситуациям его текстовой актуализации.

Приведем пример такого эксперимента, проведенного нами с тремя группами учащихся 6-х классов общеобразовательной школы. Предъявляемые наборы слов были «составлены» из числа ассоциатов, отмеченных в первом и втором томе РАС на слово *бабушка*. Первой группе респондентов предлагался список

² См. идею подобного эксперимента в: [Овчинникова 2002].

реакций из зоны ядра и ближней периферии данного стимула (при этом сам стимул в список не включался): *дедушка* (75), *старушка* (43), *моя* (39), *старая* (39), *добрая* (31), *любимая* (23); второй группе респондентов предлагался набор реакций из зоны дальней и крайней периферии того же стимула: *доброта* (4), *платок* (4), *в деревне* (3), *пирожки* (2), *каникулы*³, *уют*, *купила*; третьей группе предлагался набор стимулов, общей реакцией на которые было слово *бабушка*, представленное в зоне крайней периферии соответствующих стимулов: *вязанье*, *внуки*, *морщины*, *дряхлая*, *болезнь*, *варенье*, *в огороде*.

В течение 10 минут испытуемым всех трех групп предлагалось написать мини-текст любого жанра и стиля, включающий в качестве обязательных заданные слова (при этом каждая группа работала только со своим набором ассоциатов).

Предполагалось, что, чем более «устойчивыми», стереотипизированными являются ассоциации со словом *бабушка*, предъявленные в каждом из наборов, тем выше предсказуемость появления этого слова в тексте.

Созданные школьниками на базе первого набора сочинения в основном представляли собой тексты-описания на тему «Моя бабушка». Стимульное слово не только было «восстановлено» участниками эксперимента, но и выступало как главный объект характеристики, во многих текстах оно было вынесено в заглавие. По объяснению респондентов, ассоциация с *бабушка* сразу «приходила в голову» как реакция на стимулы *дедушка* и *старушка*. Сила и устойчивость ассоциативной связи приведенных слов в коллективном и в индивидуальном языковом сознании вполне очевидна, что подтверждается данными РАС: *дедушка* – самый частотный ассоциат на слово *бабушка*; *старушка* – самый частотный ассоциат на слово *дедушка*, второй по частотности реакцией на этот же стимул является слово *бабушка*. «Подсказкой» для выведения связи ассоциатов с характеристиками слова *бабушка* явились также синтагматические реакции *ста-*

³ По правилам, принятым при обработке ассоциативных экспериментов и используемым также в РАС, единичные реакции указываются без индекса частотности.

рая, моя, добрая, любимая. Ассоциат *моя* определяет личностную доминанту текстов-описаний, проецирования респондентами среднего школьного возраста названных прилагательными характеристик на собственную бабушку.

См., например, следующий текст: ***Моя** бабушка еще совсем не старая, хоть иногда дедушка в шутку называет ее «старушка». Есть бабушки ворчливые, как бабки-ежки, а у меня – добрая, веселая, самая любимая* (Милена З., 6 кл.).

Обращает на себя внимание нюансировка значений синонимичных ассоциатов *бабушка* и *старушка*, первый из которых в данном тексте актуализирует семантику родства, а второй – семантику «пожилого» возраста. При этом синонимичные ассоциаты выступают как контекстуальные оппозиции.

Во втором наборе информативными для «опознания» стимульного слова *бабушка* оказались ассоциаты симпрактического [Лурия 2001] характера (*в деревне, каникулы, пирожки*), отсылающие к типовым сценариям отдыха / проведения каникул в деревне у бабушки. Это доказывает, что даже крайняя периферия ассоциативного поля (представленная единичными реакциями) может быть актуализирована говорящим как зона личностного опыта, соотносительного с типовым сценарием (отдых/каникулы в деревне у бабушки). Единичность таких ассоциатов (по данным РАС) вполне объяснима условиями САЭ, где испытуемым предлагается выдать только одну, первую, реакцию, в то время как «сценарный гештальт» актуализации значения слова при порождении текста включает равновероятностные для извлечения из памяти кванты информации.

См., например, один из текстов с использованием второго набора ассоциатов: *Летом я всегда провожу каникулы в деревне у бабушки. Однажды я долго купался, замерз и простудился. Меня сильно трясло, я никак не мог согреться. Бабушка не стала меня ругать, укутала своим теплым **платком**, пошла в аптеку и **купила** горчичники. Я не хотел, чтобы она их ставила, но потом согласился, согрелся и уснул **в уюте**. А утром, когда проснулся, бабушка испекла мои любимые **пирожки** с капустой. И я почувствовал ее **доброту*** (Коля Б., 6 кл.). В данном тексте исходный набор ассоциатов используется как основа повествовательного сюжета с ярко выраженной эмоционально-оценочной

доминантой. Потенциальной актуализацией в этом ключе обладает типовая пресуппозиция *бабушка – доброта*, в которой акцентирован личностный компонент родственных отношений: «любовь бабушки к внуку».

Третий набор стимульных слов (*вязанье, внуки, морщины, дряхлая, болезнь, варенье, в огороде*) был опосредованно связан с ассоциатом *бабушка* (единичной реакцией на каждое из этих слов), называя атрибуты времяпрепровождения, занятия, состояние здоровья, свойственные старому/пожилому человеку⁴. Предсказуемой ассоциативной связью с *бабушка* характеризуются все стимулы **в совокупности**: *морщины, болезнь* (бывают чаще у старых людей, но не только); стимулы *дряхлая* (прилагательное в форме **ж.р.**) и *внуки* (сильная метонимическая связь с *бабушка*) дают более четкий ориентир для выведения общего ассоциата. Наконец, стимулы *вязанье, варенье, в огороде* дополняют «образ бабушки» как типовые атрибуты ее деревенского быта.

Тексты, созданные респондентами на базе данного набора словесных стимулов, преимущественно имеют характер рассуждения о *старости*. См., например, следующее сочинение: *Когда люди стареют, у них появляются морщины, наступают всякие болезни, здоровье становится дряхлым. Моей бабушке много лет, но она еще бодрая. Все время копается в своем огороде, варит варенье, по вечерам сидит на диване и вяжет свое вязанье. Мама всегда говорит, то что⁵ главная радость для стариков – это их внуки. Мы с братиком часто приезжаем к бабушке, и она радуется нам* (Юля В., 6 кл.).

⁴ См. Анализ ассоциативного поля «старость» в: [Бутакова 2019: 32-46].

⁵ Попутно заметим, что респондент использует в данном случае клишированную аграмматичную конструкцию с нарушением пунктуационной и логической связи между главным и придаточным предложениями, что является весьма распространенной ошибкой в современной разговорной речи. Ср. нормативные варианты: говорит, что // говорит о том, что.

Таким образом, речевое действие потенциально закодировано в связи ассоциатов, содержа в себе как следы уже «свершившихся», так и потенциал «будущих» текстов.

Вариантом проведения обратного ассоциативного эксперимента для исследования силы ассоциативных связей может быть последовательное предъявление респондентам разного количества ассоциатов на стимульное слово в направлении от периферии к ядру (в частности, с использованием данных РАС). В ходе такой процедуры выявляется состав и достаточное число наиболее информативных реакций для опознания соответствующего стимула.

Так, в проведенном нами пилотном эксперименте на определение («восстановление») слова-стимула *воспращен* испытуемым последовательно предлагались следующие три группы ассоциатов, зафиксированных в РАС:

- ассоциаты из зоны дальней периферии – *строго, разрешен, пролаз, посторонний, опасен, обгон, не положено, не доступен, курение, кирпич, интересно, запрет, закрыт, выход;*
- ассоциаты из зоны ближней периферии – *законом, знак, нельзя, запрещен, въезд, проход, проезд;*
- ассоциат(ы) их зоны ядра – *вход.*

Эксперимент проводился в устной форме, при этом респонденты должны были фиксировать письменно вероятный, по их мнению, ответ, отмечая, после *какого слова* (на каком этапе) такая догадка пришла им в голову. Как только стимульное слово было «опознано» хотя бы одним или несколькими респондентами, фиксировалось количество предшествующих «инсайту» ассоциативных шагов и сама реакция, которая оказалась последним импульсом для правильного ответа.

В данном случае для «нахождения» стимула *воспращен* требовалась опора не только на ситуативный контекст тематических реакций и синтагматику соответствующих ассоциатов (что позволяло определить такие структурно-смысловые корреляты стимульного слова, как *запрещен, запрещено*), но и на клишированный ассоциат слова *вход* (ср. выражение *вход воспращен*).

Таким образом, взаимобратимость даже устойчивой ассоциативной связи – величина относительная и в то же время ве-

рифицирующая предречевую заданность возможных аспектов ее развития в текстовой проекции.

Не менее значим для исследования работы механизмов ассоциативно-вербальной сети в их проекции на текстовую деятельность **цепочечный ассоциативный эксперимент**.

Существует теория, согласно которой цепная ассоциативная связь лежит в основе высказывания, являясь одной из моделей речепорождения [Osgood 1956]. Данный вид отношений между ассоциатами отражает актуализацию потенциальной связи слов в их предречевой готовности. Описывая механизм цепочечной связи, А.Н. Леонтьев отмечает ее обусловленность сложным характером организации словесных ассоциативных структур в сознании индивидуума: «... ассоциативные ряды хотя и состоят из отдельных реакций, однако они не могут рассматриваться как простые механические совокупности. Ассоциативный ряд или отдельный участок ассоциативного ряда есть, прежде всего, некоторое органичное целое, которое определенным образом организует входящие в него части» [Леонтьев 1983: 71]. При этом подчеркивается опосредованность реакций предыдущим, а не только исходным (начальным) стимулом.

Цепочечный эксперимент, позволяющий судить о соотношении непосредственных и опосредованных связей ассоциатов в процессах речемыслительной деятельности, может проводиться двумя способами, которые представляют собой разные варианты организации экспериментальной процедуры.

Первый вариант. На заданный стимул предлагается дать не одну, а несколько реакций (время на их предъявление – по сравнению с САЭ – соответственно увеличивается). См., например, цепочку ассоциатов, приведенную респондентом на стимул **роза**: *красная, морозы, проза, писатель, женская, люблю, Донцова*. В числе этих ассоциаций можно выделить непосредственно связанные со стимулом, в данном случае это, бесспорно, *роза – красная* (типовой синтагматический ассоциат), а также *роза – морозы* и *роза – проза* (формальные, рифмующиеся со стимулом ассоциаты), хотя не исключено, что *проза* – ассоциат не на *роза*, а на *морозы*. В свою очередь, *писатель* – опосредованная реакция на *проза*, так же, как и ассоциация *женская*. Следующий ассоциат в цепочке (глагол *люблю*) может относиться и к *роза*, и

к *проза* (женская), но является все же, скорее, опосредованным по отношению к исходному стимулу. Прецедентный ассоциат *Донцова* однозначно связан с предыдущими реакциями *проза* и *женская*. Все ассоциаты в совокупности, по сути, составляют «каркас» потенциального текста.

Однако по составу разных реакций, полученных на одно стимульное слово, далеко не всегда удается определить их опосредованную или непосредственную связь с этим исходным стимулом, поскольку векторы ассоциирования разнообразны: дивергентное мышление предполагает возможность разнонаправленной «оптики» восприятия свойств объекта.

Второй вариант. Испытуемым предлагается *последовательно* реагировать на каждую предыдущую реакцию. Полученная на исходный стимул реакция становится стимулом для последующего ассоциата, а тот, в свою очередь, снова выступает в качестве стимула и т.д. Данный вариант эксперимента дает более «сфокусированное» представление о развитии ассоциативного процесса как цепной связи.

Например: *вечер* – *поздний* – *час* – *пробил* – *пора* – *спать* – *бессонница* – *страх* – *тревога* – *завтра* – *экзамен*.

При анализе данных эксперимента оценивается разнообразие и оригинальность или стереотипность (автоматизированность) приведенных респондентами реакций. Оба фактора – «стереотип и творчество» – проявляются в речевой деятельности [Гридина 1996].

Цепочечный эксперимент актуален и для исследования ассоциативных проекций восприятия значения слова как отражения *взаимосвязанных аспектов* осмысления определенного фрагмента действительности в индивидуальном и коллективном сознании.

Процедура проведения такого эксперимента может быть дополнена составлением текста на основе полученных цепочек ассоциатов (с сохранением последовательности их появления), что должно способствовать верификации стратегии цепочечной связи как одной из предтекстовых форм развертывания мысли в ассоциативно-вербальной сети.

Приведем пример использования адаптированной нами версии цепочечного эксперимента для выявления аспектов воспри-

ятия и последующей текстовой реализации концептуального содержания стимульного слова *брак* (с учетом возраста и профессиональной ориентации респондентов).

В данном пилотном эксперименте респондентами выступили студенты 1-3 курсов (в количестве 48 человек), обучающиеся в техникуме по специальности «Экономика и бухгалтерский учет».

Им предлагалось привести ряд последовательно возникающих реакций на стимульное слово и создать на базе полученной ассоциативной цепочки текст (любого жанра и стиля). При этом вводилось ограничение на изменение порядка слов в создаваемом тексте (представленные в цепочке слова должны были выступать в тексте в той же последовательности).

Целью эксперимента было установить, какое из значений омонимичного стимула *брак* является предпочтительным для данной группы испытуемых и какое влияние оказывает полученная цепочечная связь на порождение текста. Верификации подвергалась **гипотеза** о влиянии первой реакции в цепочке на проявление актуального смысла стимульного слова и его реализацию в текстовой проекции. Предполагалось также, что состав последовательно всплывающих реакций на заданный стимул позволит выявить ценностные векторы осмысления социально значимого феномена *брак* в сознании современной молодежи.

См. словарные толкования омонимов: «**БРАК** 1. Семейный союз мужчины и женщины; супружество. **БРАК** 2. 2.1. Испорченные или не соответствующие установленным требованиям промышленные изделия; недоброкачественный товар. 2.2. Что-л., признанное негодным для какой-л. цели из-за имеющихся недостатков. *Изъян*, повреждение (на промышленном изделии, товаре)» (Толковый словарь /Под ред. Т.Ф. Ефремовой).

Выбор стимула был продиктован «потенциалом ассоциативного эксперимента в описании динамики значений слова в свете обозначенных ими базовых ценностей» [Пищальникова 2019], что актуально применительно к концепту *брак* в сознании современного социума. В настоящее время отмечается, с одной стороны, резко изменившееся отношение молодежи к институту брака – понятию «супружество» как культурной традиции узаконивания семейных отношений, с другой стороны, сохраняет-

ся стремление к сохранению внешней (ритуальной) стороны свадебной церемонии; отношение к браку во многом определяется и проблемой качества жизни молодой семьи, а также проблемой профессиональной самореализации. Отношение к браку как изъяну производства и качеству современных товаров – потенциальный оценочный вектор, связанный с современным состоянием экономики.

Количественный анализ полученных первых реакций на стимульное слово *брак* выявил явное преобладание в его актуализации значения «союз мужчины и женщины» над значением «производственный, промышленный изъян в изделии», «нечто некачественное, непригодное к употреблению».

Подтверждением выдвинутой гипотезы является тот факт, что в качестве «индикаторов» актуального для респондентов значения слова-стимула выступают именно **первая реакция** и конкретизирующие ее векторы концепта *брак*, как типовые, так и личностные. Ср. фрагменты ассоциативных цепочек, где четко выявляются ядерная и периферийная зоны появления соответствующих реакций как репрезентантов концептуального содержания стимульного слова в сознании респондентов: 1. Брак – **семья**... (24): *брак – семья – дети*...(13); *брак – семья – любовь* ... (6); *брак – семья – дом*... (5). 2. Брак – **любовь**... (6): *брак – любовь – дети*...(2); *брак – любовь – радость*...(1); *брак – любовь – доверие*...(1); *брак – любовь – свадьба*...(1); *брак – любовь – кольцо*...(1). 3. Брак – **свадьба**...(4); *брак – свадьба – кольца*... (2); *брак – свадьба – кольца – любовь*...(1); *брак – свадьба – кольца – властелин колец*...(1). 4. Брак – **дети**...(3): *брак – дети – радость* (1); *брак – дети – слёзы* (1); *брак – дети – заботы*...(1). 5. Брак – **счастье**...(3): *брак – счастье – семья*...(1); *брак – счастье – улыбка*... (1); *брак – счастье – любовь*... (1). 6. Брак – **регистрация** ... (3): *брак – регистрация / зарегистрировать – ЗАГС*...(2); *брак – штамп – семья*...(1). 7. Брак – **крепкий**... (2): *брак – крепкий – сталь* ... (1), *брак – крепкий – навсегда*... (1). 8. Брак – **рабство** ... (2): *брак – рабство – серый быт*... (1); *брак – заточение – дом*...(1). 9. Брак – **плохой – хороший**...(1): *брак – мрак* ... (1), *брак – проблемы – скандал*... (1); *брак – ошибка* (1).

Значение омонимичного слова *брак* «изъян, некачественное изделие» косвенно отражается лишь в нескольких цепочках: *брак – материал – кирпич*; *брак – одежда ...*(2); *брак – просрочка – халтура...* (невыполнение обязательств, влияющее на качество оказываемых услуг). Данный факт оказался в известной степени неожиданным ввиду предположения о том, что для респондентов – студентов экономического техникума, выбор значения слова *брак* может быть обусловлен их профессиональной ориентацией.

Однако вполне очевидно, что в сознании обыденного носителя языка (в частности, респондентов возрастной группы от 16 до 20 лет) актуализируются прежде всего базовые ценностные доминанты концепта *брак*, сопряженные с такими жизненно важными аспектами бытия, как *любовь, семья, дети*. Однако развертывание последовательности ассоциативных реакций в цепочке дает возможность выявить ранжирование этих ценностных параметров каждым конкретным респондентом и в целом (при расширении числа участников эксперимента) разными группами (стратами) социума. Так, «конкурирующими» в плане приоритетности для респондентов в представленной выше выборке являются появление в числе первых (наиболее частотных) реакций на стимул *брак* таких связей, как *брак – семья – любовь* и *брак – любовь – семья*. Обращает на себя внимание и амбивалентность (разнополярность) характеристик брака в свете его положительных и отрицательных последствий. Ср., например, следующие цепочки ассоциатов, полученные от респондентов:

- *Брак – семья – дети – счастье – любовь – сердце – доброта – понимание – правда – жизнь // Брак – семья – дети – садик – игры – отдых – веселье – счастье – эмоции – удовольствие // Брак – семья – любовь – дом – счастье – дети – цветы – лес – отдых – спокойствие.*

- *Брак – дети – слезы – горе – беда – проблемы – решение – школа – усталость // Брак – семья – дети – бытовуха – однообразие – серые будни – апатия – психолог – депрессия – суицид // Брак – рабство – безликий – страстный – бессмысленный – социум – глупый – человек – пустые – стереотипы –*

предрассудки – агрессия // Брак – мрак – страх – крах – ласка – маска – хандра – убивай – смерть – я.

Приведенные данные, с одной стороны, свидетельствуют о сохранении высокой значимости института семьи для успешной самореализации личности в достижении базовых жизненных ценностей. С другой стороны, отрицательное отношение к браку у ряда респондентов выявляет проблемы психологического и социального характера, в частности, такие жизненные приоритеты современной молодежи, как нежелание связывать себя никакими обязательствами, в том числе отношением к браку как к предрассудку, пустому штампу в паспорте, тому, что влечет за собой отказ от разнообразия, развлечений, «убивает» личность, ввергая ее в серые будни быта и заботы о детях. Особо настораживают (к счастью, единичные) ассоциаты типа *брак – маска*, *брак – суицид*, *смерть*, *депрессия* и т.п., свидетельствующие, безусловно, о психологической нестабильности конкретного респондента, но в то же время являющиеся тревожными сигналами, дающими повод к тому, чтобы задуматься о социальных причинах подобного отношения к браку в подростковой и молодежной аудитории. См. в этой связи наблюдения относительно «...намеренного и планомерного изменения индивидуального образа мира и образа жизни личности, переформатирования мировоззренческих основ этноса, определявших на протяжении веков национальную идентичность каждого его представителя» [Бубнова 2018: 62].

Полученные в ходе проведения цепочечного эксперимента данные интересны и в плане грамматической специфики самого состава последовательно предъявляемых реакций (словоформ разных частей речи, словосочетаний и т.п.), и в плане их системной и/или контекстуальной обусловленности, что может служить неким аналогом развертывания речемыслительного процесса как прообраза будущего высказывания, текста. В когнитивном плане ассоциативные цепочки можно рассматривать как некие репрезентанты фреймов, сценариев, отражающих концептуальное содержание стимульного слова в сознании респондентов (см., например: [Коновалова 2012, 2016; Ружицкий 2019]).

Приведем в качестве иллюстрации два типа ассоциативных цепочек: цепочки первого типа содержат парадигматические и тематические реакции слов той же части речи, что и стимул; цепочки второго типа имеют в своем составе словоформы разных частей речи и обнаруживает не только парадигматические и тематические, но и синтагматические реакции. Помимо указанных видов связи в ассоциативных цепочках могут появляться и ассоциаты чисто формального характера.

Оба типа цепной ассоциативной связи эксплицируют фреймовый и сценарный варианты предтекстовой актуализации типовых и личностных аспектов осмысления стимульного слова.

Ср.: **Брак** – свадьба – семья – дети – квартира – быт – прогулки – друзья – мечта – развод. / **Брак** – семья – ребенок – счастье – участие – утро – вечер – тихо обниму – кофе – садик – гулять с собакой. / **Брак** – ЗАГС – семья – дети – плач – крики – лечь спать – проснуться – улыбнуться. / Брак – дети – бытовуха – однообразие – серые будни – апатия – пойти к психологу – депрессия – суицид – я.

В приведенных примерах разворачивается типовой сценарий: создание семьи с любимым человеком, бытовые проблемы, связанные с обеспечением семьи, воспитанием детей, радости и заботы, доставляемые детьми, счастье или, наоборот, усталость, разочарование в любимом, желание развлечься, уйти от будничного однообразия, депрессия и т.п., развод.

Покажем это на примере двух текстов, проявляющих полярное отношение к браку как основе создания семьи.

Брак – семья – дом – уют – плед – тепло – лето – отдых – сон – кровать – завтра

Заключив брак, Женя и Костя гордо назвали себя: «Семья!» Вот только жили они пока в маленькой съемной квартирке. «У нас должен быть такой дом, в котором всегда будет уют», – решительно заявил Костя. Зябко кутаясь в плед, Женя подхватила: «Главное, чтоб в доме было тепло: на улице зима – и когда еще придет лето!». Костя ласково улыбнулся ей искомандовал, как ребенку: «Отдых и сон – вот, что сейчас главное! Марш в кровать! А о квартирном вопросе мы подумаем завтра». Догадайтесь, кто будет главным в этой семье? (Евгения, 18 л.)

Этот текст построен как некая зарисовка на заданную тему – с разработкой «сценария» семейного благополучия, достижение которого обеспечивается созданием уюта в собственном доме и заботой супругов друг о друге (данные микротемы развиваются в форме полшутильного диалога между молодожёнами). Намеченная в тексте перспектива решения квартирного вопроса является вполне предсказуемым вектором развития данного сценария.

Заметим, что прагматический мотив семейного «счастья» (покупка собственной квартиры) активно эксплуатируется современной рекламой, призывающей молодых людей, вступивших в брак, воспользоваться ипотечными кредитами для приобретения жилья: *Любовь. Свадьба. Ипотека. Квартиры для молодожёнов!*

Последняя фраза созданного респондентом текста – риторический вопрос от лица автора (*Догадайтесь, кто будет главным в этой семье?*) – переключает развиваемую тему в психологическую плоскость равноправия между супругами или подчинения одного из них другому. Данный мотив также весьма актуален для современной молодежи. Можно в этой связи привести интернет-мем, в котором в качестве невербального ряда представлена схема сложноподчиненного предложения (известная любому школьнику), сопровождаемая слоганом: «*А кто ты в отношениях?*» (в регистре языковой игры синтаксические отношения подчинения приравниваются к межличностным отношениям – в том числе в семейной паре) [см. подробнее: [Гридина, Талашманов 2019].

Приведем еще один пример соотношения ассоциативной цепочки созданного на ее основе текста.

Брак – свадьба – гудки – шум – неприятно – депрессия – боязнь – семейные узы – люди – общество – ответственность.

Брак – это свадьба. Гудки машин, шум, праздничная атмосфера. Но есть те, кому все это неприятно, кого сама мысль о браке вгоняет в депрессию. Психологи считают, что боязнь связать себя семейными узами – это болезнь современного общества, где молодые люди не хотят нести ответственность ни за себя, ни за других (Арсений, 20 л.).

Данный текст представляет собой рассуждение на заданную тему – с выделением в качестве психологической подоплеки проблемы негативного отношения к брачному союзу, связанного с социальной «эмансипацией» современной молодежи, неприятием любых ограничений личностной свободы, в том числе и в отношении к перспективе создания семьи.

Таким образом, текстовая проекция ассоциативных цепочек позволяет выявить как социально обусловленные, так и личностные факторы, определяющие концептуализацию словесных знаков в сознании носителей языка. Ср.: «Наши способности ... к запоминанию последовательной серии явлений, ... к ассоциированию с каждым явлением его обычных следствий представляются для нас ... руководящим началом в этом мире, и постоянным, и изменчивым в то же время» [Джеймс 2019: 27]. Сам механизм цепочечной связи проявляет одно из возможных направлений активации ассоциативно-вербальной сети на стадии оформления мысли в «потоке сознания», отражая аспекты мотивационной ориентации и ценностные установки языковой личности.

Литература

Бубнова И.А. "Контенты", "баттлы", "квесты": закономерность развития языка, креативность пользователей или нечто иное? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 59-72.

Бутакова Л.О. Комплексная психолингвистическая реконструкция семантики «возрастной» лексики // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2019. Вып.17. – С.32-46.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). – Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1996.

Гридина Т.А. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7. С. 143-157.

Гридина Т.А. "Уже изобретен велосипед?": креативные технологии текстопорождения // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. № 2. С. 49-62.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 1. – С. 128-134.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Креативные стратегии текстообразования как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные). Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 55-64.

Гридина Т. А., Пятинин А. Э. Проективная активность личности в речевой деятельности // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2003. №1. С. 5-14.

Джеймс Уильям. Психология. – М., 2019.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.

Коновалова Н.И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 10. – С. 35-48.

Коновалова Н.И. Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как "след" креативных мнемотехник // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. – С. 118-128.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983.

Лурия А.Р. Язык и сознание: курс лекций. – М., 2001.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики: курс лекций. – Минск, 2011.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности : дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002.

Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.И. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. – М., 2019.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т.1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу /Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. – М., 2002.

Ружицкий И.В. Ассоциативный словарь в преподавании русского языка как иностранного // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2019. № 17. С. 179-189.

Osgood Ch. E. Method and Theory in Experimental Psychology. – Oxford, 1956.

©Гридина Т.А., 2020

©Коновалова Н.И., 2020

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: sakralist@mail.ru

Konovalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).